

ФЕНОМЕН КАНТОРОВИЧА

19 января 2007 г. мы отмечаем 95 лет со дня рождения Леонида Витальевича Канторовича. Создание математической теории наилучшего использования ресурсов принесло ему Нобелевскую премию по экономике, прославило отечественную науку и стало предметом гордости Сибирского отделения Академии наук.

Линейное программирование Канторович открыл в 1939 году. Тогда же он совершил свое важнейшее открытие в математике. Канторович нашел «своего рода обобщенные числа», предложив новые модели вещественной прямой — основного инструмента математики переменных величин. Уже почти не осталось людей, кто знал Канторовича в пору его высших научных достижений. С фотографий конца 1930-х годов на нас глядит лик отрешенности одинокого гения. Мы не знали его таким.

Идеи и методы линейного программирования вышли далеко за пределы экономики, положив начало глубоким междисциплинарным исследованиям. В истории науки двадцатого века трудно назвать другого ученого, сделавшего так много для взаимопроникновения математики и экономики, для объединения диаметрально противоположных способов научного мышления. Израиль Гельфанд отмечал, что среди своих современников, осуществлявших синтез математической и гуманитарной культур, он, наряду с Канторовичем, может назвать только Джона фон Неймана и Андрея Николаевича Колмогорова.

Одаренность Канторовича очевидна. Однако мало получить дар — надо уметь им воспользоваться. Между тем, научный дар — это далеко не все, что нужно человеку. Человеческое — первично, научное — вторично. В бумагах Канторовича сохранились записки по технике самообучения искусству танцев...

В фенотипе Канторовича и в его природном характере были очевидны черты, затрудняющие успешную работу в науке и откровенно несовместимые с искусством «внедрения» своих идей. Канторович стал не похожим ни на кого из успешных ученых своего времени и явно почитаемым ими «гадким утенком».

Альфред Маршалл, основатель кембриджской школы экономики и автор многотомного трактата по политической экономии, резко противопоставлял экономическое и математическое мышление. Он писал, что «в экономической науке нет места для длинных цепей дедуктивных рассуждений» и видел цель экономического анализа «в создании нескольких длинных цепей логических рассуждений, в правильном создании многих коротких цепочек и отдельных соединительных звеньев». Образ «гребешков» Маршалла не имеет ничего общего с представлением о перевернутой пирамиде универсума фон Неймана, в котором обитает современная теория множеств. Красота и сила математики со времен Древней Эллады до наших дней связаны с аксиоматическим методом, предполагающим вывод новых фактов с помощью сколь угодно длинных цепей формальных импликаций.

Бросающаяся в глаза разница в менталитете математиков и экономистов затрудняет их взаимопонимание и сотрудничество. Невидимы, но вездесущи перегородки мышления, изолирующие математическое сообщество от своего экономического визави. Это статус-кво с глубокими историческими корнями всегда было вызовом для Канторовича, несовместимым с его тезисом о взаимопроникновении математики и экономики.

Противоречие между блестящими достижениями и неприспособленностью к практической линии жизни — один из важных парадоксов, оставленных нам Канторовичем. Сама его жизнь стала ярким и загадочным гуманитарным феноменом. Интравертность Канторовича, очевидная в личном общении, совершенно неожиданно сочеталась с публичной экстравертностью. Отсутствие ораторского дара соседствовало с глубиной логики и особыми приемами полемики. Его внутренняя свобода и самодостаточность, мягкость, доброта и исключительная скромность стояли в одном ряду с целенаправленной жесткостью, неутомимостью, доходившей до применения метода «волчьей хватки» для достижения поставленной цели.

Свобода Канторовича неудивительна — она проистекала из его сущности — математического дара. Его доброта и мягкость были качествами врожденными. Настойчивость и безудержная пробивная сила Канторовича — приобретенные признаки, которые он отобрал и культивировал в себе сознательно, руководствуясь соображениями рациональности.

Канторович может показаться неудачником в главном — в вопросе о признании центральной идеи его жизни, идеи взаимопроникновения математики и экономики. Однако такое мнение ошибочно. Несмотря на попытки замалчивания Канторовича и его идей, их торжество на самом деле неоспоримо. Яркими доказательствами стали изменение всей системы подготовки

экономистов и уже неистребимые математизация и информатизация экономики как в ее функциональных, так и в управленческих аспектах.

Аппарат математики и идея оптимальности станут каждодневными орудиями любого практикующего экономиста. Вычисление победит гадание. Экономика как вечный партнер математики избежит слияния с любой эзотерической частью гуманитарных наук, не станет политикой и беллетристикой. Новые поколения математиков будут смотреть на загадочные проблемы экономики как на бездонный источник вдохновения и привлекательную арену приложения и совершенствования своих формальных методов.

Жизнь Канторовича — служение своему Отечеству вопреки идеологической конъюнктуре. Ее уроки исключительно важны в наши дни. Попытки замолчать и оболгать наследие Канторовича обречены на провал. Пигмеи не смогут спрятать гиганта. Гений рациональности в науке, Канторович был гениально рационален в выборе своей мировой линии, своего пути в науке. Своим примером он дал нам образец наилучшего использования собственных личностных ресурсов при наличии разнообразных внешних и внутренних ограничений.

С. Кутателадзе, профессор

Источник:

Кутателадзе С. Феномен Канторовича // [Наука в Сибири](#). – 2007. – N 3. – С. 7.